

Гу Чуньлай медленно открыл глаза, его взгляд был пронзительным. Он смотрел на Сяо Жофэя, который, казалось, находился где-то между реальностью и прошлым, и сказал:

— Зачем вдруг спрашивать об этом? Всё уже прошло.

— В тот день я поцеловал тебя, — Сяо Жофэй схватил Гу Чуньлая за плечи, глубоко заглядывая ему в глаза. — Ты спал? Или был в сознании?

— Жофэй, ты пьян, зачем вдруг вспоминать об этом?

Сяо Жофэй вдруг повысил голос:

— Ответь на вопрос, ладно?

— Я не спал.

— Тогда... почему... ты убежал? Ты... сделал вид, что ничего не произошло, почему?

Гу Чуньлай провёл рукой по покрасневшему лицу Сяо Жофэя и сказал:

— Жофэй, ты пьян, и я очень устал, давай поговорим завтра, ладно?

— Завтра? Ты уверен?

— Обещаю, завтра, когда мы оба будем трезвее, поговорим как следует.

Гу Чуньлай чувствовал, как голова раскалывается, и был готов упасть в любой момент. Он боялся, что в порыве скажет что-то лишнее.

— Сейчас уже больше двух, давай сначала поспим, ладно?

Сяо Жофэй не реагировал, и Гу Чуньлай протянул руку, снял с него куртку, затем неудобные брюки и чёрную рубашку под ними. Под одеждой всё ещё ощущался сладковатый запах табака, мускулы были всё такими же красивыми, но в глазах не было ни капли эмоций, они казались пугающе холодными.

Он попытался взять Сяо Жофэя за руку и повести к кровати, но тот, наоборот, обхватил его одной рукой за спину, другой под колени и уверенно понёс в спальню.

Они вместе легли в кровать, укрылись одеялом, но никто не предпринимал дальнейших действий, просто крепко обняли друг друга. Под одеялом было так жарко, что даже лунный свет, падающий на кровать, казался горячим. Они быстро вспотели, но никто не хотел сбрасывать одеяло или отпускать друг друга, позволяя поту проникать в кожу и рот, словно они были двумя людьми, застрявшими в болоте, где малейшее ослабление хватки означало бы смерть.

Сяо Жофэй заснул первым.

А Гу Чуньлай, глядя на его лицо, становился всё бодрее.

Сяо Жофэй впервые за долгое время проспал шесть часов.

Обычно он вставал рано, но сегодня открыл глаза только в половине десятого. Комната была комнатой Гу Чуньлая, в руках он всё ещё держал того, кого обнял прошлой ночью, его тело

было влажным, сердце — влажным, и даже взгляд Гу Чуньлая, направленный на него, казался влажным.

Возможно, из-за того, что он хорошо выспался, без тревоги будильника, и алкогольный запах уже давно исчез. Он поцеловал вспотевший лоб Гу Чуньлая и спросил, не хочет ли тот принять душ вместе. Гу Чуньлай, указывая на промокшие простыни и пододеяльник, смущённо сказал, что ему нужно сначала постирать их, иначе вечером будет не уснуть.

— Приходи ко мне спать? — Сяо Жофэй, говоря это, достал из кармана куртки ключи от двери и сунул их Гу Чуньлаю. — Код замка — твой день рождения, 0401, введи код, вставь ключ, открой.

Видя, что Гу Чуньлай застыл на месте, он добавил:

— На этот раз будь осторожен, если три раза ошибёшься, замок действительно не откроется.

Гу Чуньлай машинально сказал:

— Чем это отличается от совместного проживания?

— Отличие большое, — Сяо Жофэй взял Гу Чуньлая за руку и повёл в ванную, а у двери обернулся и добавил:

— После душа я приготовлю еду, что хочешь?

Гу Чуньлай, не задумываясь, выпалил:

— Лапшу с помидорами и яйцом.

Сяо Жофэй кивнул, закрыл дверь, оставив Гу Чуньлая снаружи, а вместе с ним и тревожный воздух, полный вопросов. Он и Гу Чуньлай молчаливо договорились не вспоминать прошлую ночь, не вспоминать тот удушающий объятия. Когда он закончит душ и приготовит еду, Гу Чуньлай тоже выйдет из ванной, освежённый, с каплями воды на волосах, он высушит его волосы, и они сядут за стол, держа в руках миски, и будут есть лапшу, обсуждая что-то совершенно не связанное с ними.

И это пройдёт.

Но заноза в сердце продолжит сидеть между ними, причиняя боль и заставляя кровоточить.

Он совсем не хотел этого.

Эти отношения стали для Сяо Жофэя неожиданным подарком. В то лето он уже упустил один шанс. После того поцелуя, который заставил его сердце биться чаще, он никак не ожидал, что его ждёт побег. Он думал, что Гу Чуньлай ненавидит его, что он уже в самом начале влюблённости потерпел неудачу, и, пока не зашёл слишком далеко, решил выйти из игры и сдаться. Все эти годы он иногда думал, могли бы они с Гу Чуньлаем быть вместе, и как бы это выглядело.

И вот Гу Чуньлай действительно появился, неожиданно и так прекрасно, что это казалось нереальным.

Он уже потерял один раз, не хотел упускать снова.

Сяо Жофэй, не обращая внимания на холод, открыл дверь ванной, вышел, весь мокрый, с паром, голый, и встал перед Гу Чуньлаем.

— Что с тобой? Быстро одевайся!

Гу Чуньлай как раз собирался зайти в спальню, чтобы принести полотенце и одежду для Сяо Жофэя, но тот остановил его.

— Вчера ночью ты сказал, что, когда я буду трезв, мы поговорим.

— Нужно хоть что-то надеть для разговора, правда? — Гу Чуньлай не знал, смеяться ему или плакать.

— Я ещё не закончил мыться.

— Подожди, пока закончишь, ладно?

Гу Чуньлай не понимал, что замыслил Сяо Жофэй, и, смеясь, толкал его обратно в ванную, но тот вдруг схватил его и затащил под поток воды. Горячая вода хлынула вниз, Гу Чуньлай не успел увернуться и моментально промок.

Он смотрел на глаза Сяо Жофэя, скрытые за водяной завесой, с недоумением и смехом:

— Почему так спешишь, даже время на душ не можешь подождать?

— Ни секунды.

Гу Чуньлай перестал смеяться и серьёзно посмотрел на Сяо Жофэя:

— Хорошо, я поговорю с тобой. Вчера ночью ты спросил, почему я убежал...

— Потому что... ты тогда ненавидел меня? Любил Янь Наня? — Эта фраза годами сидела в сердце Сяо Жофэя, и наконец у неё появился шанс выйти наружу. — Но вчера Дачжэ сказал, что ты... тогда, ты меня любил. Скажи мне, как было на самом деле?

— Тогда я сам не понимал, — Гу Чуньлай смотрел на него, думая, что на этом этапе уже нечего скрывать, и рассказал всё.

Он сказал, что тогда он ещё не испытывал любви, не видел, как любят другие, и не понимал, любит ли он сам. Тогда он упаковал вещи и ушёл в горы, где полмесяца постился и молился, но безрезультатно.

— А когда вернулся, ты тоже не понимал?

— Не совсем, — Гу Чуньлай опустил голову. — Но независимо от того, понимал я или нет, тогда мы не могли быть вместе. Ты ведь уже был с Янь Нанем, правда?

Сяо Жофэй кивнул.

— Я не мог разрушить чужую любовь, ты же понимаешь... — Гу Чуньлай говорил так тихо, что его слова почти растворялись в шуме воды. — Если бы я сделал тот шаг, ты бы меня не принял, правда?

— Я... тогда... — Сяо Жофэй открыл рот, упёрся в дверь душевой кабины, блокируя путь Гу

Чуньялаю. — Янь Нань признался мне в чувствах, и я согласился.

Гу Чуньлай взял его бледные пальцы и спросил:

— Что ты делаешь?

— Не хочу, чтобы ты убежал, хочу, чтобы ты слушал меня.

— Слушай, — Гу Чуньлай усмехнулся. — Это мой дом, куда я могу убежать?

— Это, возможно, ты не хочешь слышать. Услышав, можешь возненавидеть меня. Но я должен сказать. — Сяо Жофэй дрогнул горлом и продолжил:

— Тогда я подумал, что ты убежал, потому что ненавидишь меня, не можешь принять... мой поцелуй, поэтому я сдался.

— Я не ненавижу тебя. — Гу Чуньлай поднял голову, его глаза скрывались за паром, и разглядеть их было невозможно. — Тогда я не знал, люблю ли я тебя, но я знал, что не ненавижу.

Сяо Жофэй колебался несколько секунд, затем спросил:

— Даже если... тогда ты любил Янь Наня?

Гу Чуньлай не смог сдержать смеха:

— Почему ты так думаешь?

— Ты всегда... смотрел на него так. Иногда даже сейчас смотришь. — Этот восхищённый, полный надежды взгляд Сяо Жофэй никак не мог забыть.

— Потому что он красивый?.. Шучу, потому что он... он был как идеальный ребёнок из другой семьи, разве ты не завидовал?

Сяо Жофэй машинально поднял руку и провёл по уголку глаза Гу Чуньялая.

— А ты... поцеловал его кровать, ты поцеловал его кровать...

Неужели это было непроизвольное чувство на выпускном? Минутное помутнение рассудка? Прошло столько лет, а Сяо Жофэй всё не мог забыть. Такая глубокая любовь — это величайшее сокровище, которое человек может получить в жизни, и тем более, когда эта любовь исходит от человека, которого он сам любит. Он прошёл сквозь водяную завесу, приблизившись к Гу Чуньялаю, почти касаясь его лба. Он знал, что Гу Чуньлай не мог сопротивляться этому, иногда это был единственный способ заставить его сказать правду.

Вода из душа лилась, как проливной дождь, заглушая все звуки мира, оставляя только один голос.

— Потому что там всегда сидел один человек.